

Он нарисовал свою птицу

Игорю Владимирову — 80

Говорят, в последнее время он редко приходит в свой театр. Подводит здоровье. Если это так, то, наверное, сильнее всего тоскует по толпе перед его зданием. Веселое это дело — зрительская толпа. В те годы, когда стал он во главе Театра имени Ленсовета, она обрела свой характер. Случилось это, если память мне не изменяет, в 1961-м или 62-м году. А уже через несколько сезонов молодые ленинградцы, не озабоченные славной мифологией своего города, уверяли меня, что Владимирский проспект назван в его честь. Топонимическое совпадение, не более, но репутация театра говорила сама за себя. А ведь то были годы триумфального восхождения товстоноговского БДТ. Перед домом на Фонтанке ликовала его толпа. У Александринки накапливалась другая. А еще творил Акимов, его кренделеобразное ироничное "К" на афишах "Комедии" по старой памяти манило зрителей. Нелегко Владимирову было найти свою, как нынче модно изъясняться, нишу на жестко распределенной театральной территории северной столицы.

Но он ее нашел. И очень быстро.

Где же? В... несерьезности! Где, где? — спросит иной шокированный читатель. Ну что ж, прибавим эпитет: в **высокой** несерьезности! Может быть, поклонники четко выверенных юбилеев как-то успокоятся.

Позднее он напишет в своей книге: "Отличительной особенностью нашего театра, по-видимому, в силу моего характера является то, что признаком хорошей работы считается, когда на репетициях вне зависимости от жанра пьесы царит веселая жизнерадостная атмосфера... Без юмора я не представляю себе театра".

В 60–70-е годы, работая в журнале "Театр", я часто ездил в Ленинград, и всегда мы встречались в Доме искусств на Невском. Там, в ресторане, похожем на большую веранду в загородном доме, был закуток со столиком для "начальства". Садилась за него все кому ни лень. Тут он рассказывал о своем театре, о своих студентах в театральном институте — он их обожал, травил актерские анекдоты, смеялся и никогда не держал дистанции между собой и собеседником. В книге он сокрушался: "Может быть, я был слишком демократичен". Но по-другому не может. Мэтр! Нет, это к нему не идет. Могучий, крупный, с лицом грубоватой лепки — он был идеальным "социальным героем". Кинематограф его так и использовал. Однако же подводили глаза, в них искрилась ирония, все та же несерьезность...

Позже я вычитал в мемуарах одного из крупнейших политиков века следующее: "Надо очень серьезно относиться к своему делу, но не слишком серьезно к самому себе!"

Он следовал этому правилу неукоснительно и создавал свой те-

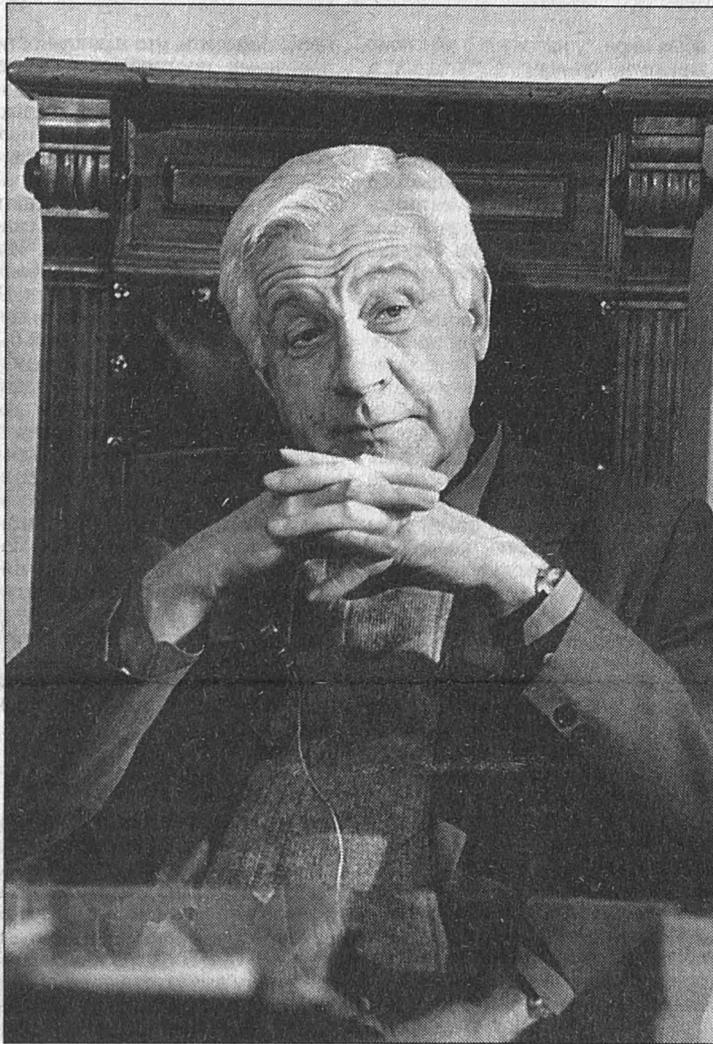

Фото В. МАРУШЕНКО

атр методом, лишь ему присущим, жизнерадостной необязательности. Его ажурное, мелодичное состояние чем-то напоминало мне состояние молодого Чехова.

С самого начала в его воображении возник театр легкого жеста, контакта со зрителем без почтительного придыхания, театр синтетического актера, умеющего все.

И ему повезло несказанно. Он встретил несравненную единственную актрису, истинную звезду (в те годы понятие "звезда" расходилось бережно, не то, что теперь).

Алиса Фрейдлих! И этим все сказано.

Театр одной актрисы? Если угодно. Как театр Веры Комиссаржевской, Сары Бернар и даже Клары Газуль, выдуманной Мери-ме.

И тогда начались его спектакли-фейерверки, после которых не хотелось покидать зрительный зал, и долго-долго продолжалось ощущение невесомости.

"Укрощение строптивой", "Ромео и Джульетта", "Дульсинья Тобосская"... "Трехгрошовая опера". Злая, резкая, беспощадная, неотразимая, не буржуазно-каскадно-оффенбаховская, где Мэкки-нож не бандит, а милый женскому сердцу супермен-обаяшка (сколько мы их видели!). Соратница

Брехта, режиссер "Берлинер Ансамбль" Кете Вайлер-Рюликке удостоверяла: "Лишь глубокое и любовное понимание Брехта могло породить столь интересную и содержательную, и адекватную замыслу автора постановку".

Вот к каким результатам приводил его "легкомысленный" творческий метод!

Теперь мало кто помнит, что он первым оценил и поставил взрывную пьесу Дворецкого "Человек со стороны". С его легкой руки она шквалом прошла по российским сценам. Ее в официальной печати определяли как "критику отдельных недостатков". (Власти тогда любили благостный самообман, критика их в этом поддерживала. Все играли в эту игру). Но зрители понимали, чувствовали, что здесь что-то не то, пахнет жареным, речь-то не об "отдельных...", а о вырождении экономической системы "развитого социализма".

А тут же рядом — блестящая французская безделица "Двери хлопают". Он умел это делать как никто. Воздушно, играючи. И тогда вспоминалось, что в этом городе были когда-то кабаре "Бродячая собака" и "Кривое зеркало" и многие другие и что предшественниками его по необязательному жанру были и Мейерхольд, и Бенуа, и Добужинский, и Блок, и Аверченко...

Театр одной актрисы?

Ну, конечно же, не ее одной. Рядом товарищи, партнеры, и многие из них являют тот тип синтетического актера, который ему всегда виделся как идеал. А.Равикович и А.Розанов, А.Петренко и Э.Зиганшина, Л.Дьячков и С.Мигицко... Цвет ленинградской сцены. А когда в город вернулись режиссер Г.Опорков и актриса Л.Малеванная, они получили крышу на проспекте Владимирова. И появились спектакли, как тогда говорили, "под запрет": "Жестокость" и "Пассажира"...

Его роли и спектакли всплывают в памяти не по хронологии — как вспышки дальних огней... А какой он замечательный дуэтный актер с легким чувством партнера. Гаев в "Вишневом саде" с Фрейдлих — Раневской. Ведь не Лопахина взял себе, а барина без барства, но с "дуплетом в середине!". Или "Старомодная комедия" Арбузова — кружево чувств, кружево слов, тайная насмешка над персонажем, дразнящие смеющиеся глаза...

В кино было другое. Тут уж кинематограф ухватился за "лепку лица", за ширину плеч, за мужскую статью. Но все равно какая-то в его безупречных героях нехватка против нормы. Вспомнивая их, я вдруг понял, что его генералы и руководители прикрывали как от напасти людей дела от людей чина. Особенно запомнился мне руководитель архитектуры в фильме "Исполняющий обязанности". Хитрил его рыцарь незлыблемой иерархии, но тех, кто творит, не отдавал. Довольно типичная, между прочим, фигура для того времени.

Когда-то он писал: "Как научить актера этому детскому удовольствию, которое должно возникать каждый раз, когда ты на сцене, где тебе позволено все, что невозможно в жизни". Детское удовольствие не покидало в театре.

Свою книгу он назвал "Как нарисовать птицу". Нарисованная для него выше настоящей, ибо в рисунке позволено все, что невозможно в жизни. "У жизни просто меньше вариантов, чем у искусства. Ибо материал последнего куда более гибок и неистощим", — говорил поэт Иосиф Бродский, живший близко от его театра на Литейном.

Этой мыслью, этой заповедью он и руководствовался, ставя спектакли, выходя на сцену или на занятия со своими студентами.

...Говорят, в последнее время он редко появляется в театре. Здоровье, что делать... Хочу сказать ему: "Ты свою птицу нарисовал. Ты же сам писал: "Я мечтаю внедрить в сознание и донести до сердца каждого из будущих актеров истину: театр был до нас и будет существовать после". Крепись, старый товарищ!